

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ

**ДВОЕ
В СОЗВЕЗДИИ ЛЬВА**
и другие рассказы

Юрий Михайлов
Двое в созвездии Льва.
и другие рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21235497
ISBN 9785448321849*

Аннотация

«Двое в созвездии Льва» – новая книга писателя Юрия Михайлова. Рассказы, вошедшие в книгу, печатались в литературных интернет- и бумажных журналах, нашли тысячи читателей. Герои рассказов – наши современники, представляющие разные периоды жизни страны...

Содержание

Вторая Любовь	5
Если где-то убудет...	20
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Двое в созвездии Льва и другие рассказы Юрий Михайлов

© Юрий Михайлов, 2016

ISBN 978-5-4483-2184-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вторая Любовь

Письмо шло долго, почти месяц. Серый конверт с наклеенной маркой, адрес отправителя – посёлочек в одной из северных областей. Похоже, конверт, согнутый пополам, кто-то носил в кармане, прежде, чем он попал в зелёный рюкзак военного почтальона. Рота отдыхала после обеда, многие солдаты выползли на зелёный просохший на солнце склон оврага, где резвились первые весенние бабочки капустницы, перелетая с цветка на цветок ярко – жёлтой мать-и-мачехи. Алексей Костомаров, сидя на траве, осторожно вскрыл конверт, долго смотрел на крестики, окаймляющие верх и низ белой страницы. Внизу – чуть скошенный влево крест, нарисованный густыми фиолетовыми чернилами. Солдат понял из письма, подписанного бывшей давным-давно настоятельницей женского монастыря игуменией Манефой, что скончалась сестра Наталья (Костомарова). «Какой женский монастырь? – недоумевал Алексей, – они закрыты у нас с довоенных времён...» Он ещё раз пробежал этот абзац и только тогда до него дошло: скончалась его родная тётя, сестра отца, Наталья Ивановна Костомарова.

«Баба Наташа, куда ты забралась, – думал солдат, – мы столько лет не виделись, из армии я не написал тебе ни одного письма... И ты молчала, вон, куда переехала, там и покой нашла. – Грудь немного сдавило, нос защипало, но Алексей

быстро отдышался, лёг на спину и стал смотреть в бесконечное голубое небо. – Скоро дембель, – думал он, – надо бы съездить на могилку бабы Наташи... Может, сразу и махнуть по пути домой, не переодеваясь, проездные выпишут, хоть на край света, билет можно продлить на несколько дней. Потом, боюсь, ни времени, ни денег на такую поездку не найти... Ах ты, баба Наташа... Циолковский ты мой, в юбке и круглых очках». Лицом она очень походила на великого учёного.

Наталья получила похоронку на мужа зимой 42-го года, хотя из письма замполита госпиталя выходило, что старшина медсанчасти Рыгин Н. А. погиб в первые месяцы войны, попав в окружение. Она любила мужа – Николая Андриановича, фельдшера областной туббольницы – до беспамятства, но после замужества оставила девичью фамилию. Так она выразила свою любовь к отцу, старосте сельского церковного прихода. У Натальи и Николая был единственный сын – Алексей, шестнадцатилетний студент индустриального техникума, уже дважды с начала войны ходивший с ребятами в военкомат, где твёрдо пообещали: в будущем году через курсы младших командиров их отправят на фронт. А на новогодний праздник случилась беда: Алексей участвовал в драке студентов с поселковой шпаной, погибло двое

мальчишек. Отвёртка, которой было совершенно убийство, принадлежала ему, на рукоятке нашли отпечатки его пальцев. Хотя он дал матери честное слово, что не брал отвёртку в руки, дрался всегда кулаками и только до первой крови.

Наталья боялась за своё психическое состояние: ни строчки от мужа, сын в камере предварительного заключения (КПЗ), с работы невозможно отпроситься. Она трудилась завстоловой фабрики и знала, что за опоздание на смену ткачиха могла загреметь на тюремный срок. Страна жила сурово, законы военного времени набирали силу. Наконец, ей удалось выяснить, кто в милиции ведёт дело подростков, окольными путями добралась до следователя, передав его жене золотой кулон. Капитан Ковшов носил круглые очки, курил дорогие папиросы, сморкался в большой белый платок, не матерился, приехал из столицы на стажировку да так и осел в облцентре навсегда, познакомившись с высокой статной кассиршей из столовой УВД. Вскоре у них родилась двойня, мальчики.

Наталья вошла в кабинет, оробев, замерла у двери. Вдруг слышит:

– Ну, кто там? Проходите, – мужской голос вывел женщину из оцепенения. Письменный стол следователя отгорожен несколькими рядами стеллажей, плотно заставленными папками.

– Это я, Костомарова Наталья Ивановна. По поводу сына пришла... От Аллы Семёновны я, супруги вашей.

– Вы в столовой работаете? – спросил следователь, рассматривая стоящую у стола женщину, одетую в чёрное драповое пальто, кирзовые сапоги, на голове – тёмно-серый платок. – Раздевайтесь, вешалка с торца стеллажа.

Следователь закурил, приятный запах папирос «Герцеговина Флор» ударил в нос Натальи. «Где он их достаёт? – успела подумать женщина. – Такие же папиросы курил в больнице мужа главврач...» Она сняла тяжёлую одежду, осталась в белой кофте и тёмной юбке плиссе, сапоги явно выбивались из стиля, впрочем, как и сама летняя кофточка.

– Значит, вы с Аллочкой коллеги, работницы общепита, – Ковшов встал из-за стола, взял Наталью за локоток и повёл за стеллажи. Женщина всё понимала, даже не сопротивлялась, ради сына она готова была на всё. Минут через двадцать следователь, застёгивая пуговицы на мундире, вышел в коридор. Вернулся быстро, на ходу раскуривая новую папиросу: всё так аккуратно сымитировал, будто спички искал у соседей. Сел за стол, на приставном стуле сидела Наталья, успевшая одеться в свой чёрно – траурный наряд.

– Всё посмотрю ещё раз. От участия в драке со смертями и тд. – не смогу освободить. Хотя отвёртка будет... недоказанной. Идите, молитесь Богу, чтоб судья отправил их всех на фронт, мысль такая бродит...

Сыну, после нескольких месяцев нахождения в КПЗ, дали три года, на суде он кашлял, без конца прижимал ко рту какую-то серую тряпку. Свидания с Алексеем Наталье не раз-

решили, через три дня стояния в очередях у тюрьмы узнала: он отправлен в соседнюю область, состав под усиленным конвоем уже в дороге. Срок будет отбывать в монастыре, перестроенном под колонию. Следователь Ковшов пропуск на проход в здание УВД (его повысили в должности) не выписал, встретиться с Натальей отказался, правда, по телефону сказал, что до лета всех заключённых этой партии отправят на фронт. «Что лучше или хуже, одному Богу известно», – добавил, прежде, чем положить трубку.

Мать всё-таки пробилась к сыну: начальник колонии разрешил ей побыть с умирающим Алексеем в отдельном блоке медчасти. В комнате 5х5 квадратных метров в самом конце спецбарака стояло шесть коек, на серых матрасах лежали полуживые люди. Алексея мама не узнала: скелет, обтянутый кожей, выглядел, наверное, приличнее. Застиранный до непонятного цвета ночная рубашка на груди сына была покрыта бурыми пятнами. Видимо, во сне он кашлял, не вытирая рот, кровь стекала на грудь вплоть до подмышек. Маму узнал, улыбнулся, сказал, едва слышно:

– Вот, видишь, ма, как бывает, когда не слушаешься мамы. Я скоро умру... Ты дождись, не долго осталось. Потом попроси местных перезахоронить меня на мирном кладбище... Не тюремном. И обязательно поставь на могилке крест. Не табличку из досок, а крест...

Лёша умер ровно в пять утра, когда мать очнулась от ночного кошмара на топчане в коридоре и подошла к койке сы-

на. Свет в спецблоке горел круглосуточно. Открыть глаза он уже не мог, но почувствовав присутствие мамы, улыбнулся, попытался склонить голову к её горячей ладони. Слёзы Наталья Ивановна давно выплакала, однако, уловив последнее счастливое дыхание отмучившегося Алексея, она заплакала. Слёзы так обильно потекли из глаз, что бесполезно было вытирать их платком. Она так и сидела, положив руку под голову сына, и плакала.

Сельское кладбище почти примыкало к тюрьме – монастырю, благо, не надо ни заборов, ни вышек строить по углам высоченных сторожевых стен. Рядом несла свои воды большая река, в хорошую погоду видны были покрытые хвойными деревьями зелёные островки, прячущиеся с осени по весну то в тумане, то в слякоти. Наталья Ивановна, чтобы перезахоронить сына, продала последнее, что у неё было, золотое обручальное кольцо. Сразу вывезти из тюрьмы на гражданское кладбище неструганный сосновый гроб не разрешали закон и порядок.

Лёшка не очень-то и верующим был, хотя баба Наташа крестила его после рождения, потом, подросткового, несколько раз брала с собой на Светлую Пасху в церковь, научила утренним и вечерним молитвам. А мама мальчишка, от макушки до пят деревенская женщина, и не возражала: ей по-

просту некогда было, работала на двух ставках уборщицей, тянула пятерых детей после ранней смерти мужа. Иван Иванович вернулся зимой 45 года с войны инвалидом, в конце лета родился сын, а потом отец тихо ушёл, как будто его и не было. Имя ровеснику Победы дали в честь единственного сына Натальи Ивановны, Алексея, сгоревшего буквально за год от туберкулёза...

Пенсию детям за отца назначили мизерную, не хватало даже на пропитание. И в семье все как-то незаметно привыкли: Лёшка – любимчик тёти Наташи, практически прописался у неё. Она жила в соседнем доме – благоустроенном общежитии с горячей и холодной водой, работала завстоловой, а потом, в связи с возрастом, её перевели поваром в детсад.

Утром Наталья Ивановна отводила Лешку в садик, присматривала за ним, а вечером возвращала в семью, предварительно накормив до отвала блинами или кашей на рыбьем жире. Мальчишка выглядел упитанным, щёки почти закрывали оттопыренные уши, губы вишнёвые, яркие, глаза светло – голубые, на носу – коричневые конопушки. Она, надев круглые очки, читала ему книжки, рассказывала сказки, пела по его просьбе жалостливые дворовые песни: «Семь часиков пробило, /С работы все идут, /А Кольку Чеснокова/ На кладбище везут...» Но особенно мальчишке нравилось петь с бабой Натой (а он сразу стал звать её «бабой» или коротко – «ба») куплеты из молитв. В её голос, скорее, мужской, с хрипотцой, колокольчиком вливался звонкий голосок мальчика:

чувствовалось, пение доставляет им удовольствие и радость. А как только Лешку записали в первый класс, он полностью перешёл жить к любимой бабушке.

Класса до шестого Лёша заходил к матери только по выходным дням, общаться с сёстрами и братьями не любил. вечно они подтрунивали над ним, его серой школьной формой и чёрным портфелем-ранцем. У них такой одежды не было, им не покупали ни коньков, ни лыж, ни санок из гнутых трубок, развивающих на горе страшную скорость. Баба Наташа не только покупала всё это хозяйство, но и ходила с мальчиком в секции: сначала лыжную, потом конькобежную. А летом после пятого класса Лёшку приглядел на дворовом турнире тренер детской команды футбольного клуба «Текстильщик».

Наталья Ивановна гордилась своим неофициальным сыном, никаких денег не жалела на него. Но одновременно всё больше впадала в грусть, постоянно помня о трагически умершем родном сыне. Раз в два года, как правило, летом, она уезжала в посёлок возле тюрьмы. Лёшку передавала в семью, не возвращалась месяц, а то и два. Деньги копила на сберкнижке, в садике брала к положенному отпуску дополнительные дни за свой счёт. Возвращалась задумчивой, снова стала носить чёрные одежды, на голову повязывала такую же чёрную шаль. Утром и вечером – молитвы, по субботам и воскресеньям, нередко с ночёвкой, отправлялась в дальние сельские храмы, где мыла полы и окна в церк-

вах, прислуживала священникам, готовила еду для монахов. И всё чаще поговаривала: пора и ей быть рядом со своей кровинушкой...

Лёшка запаниковал: чувствовал, придётся возвращаться в семью, где уже остался только средний брат, поступивший в техникум. Взрослые сёстры и ещё один брат разлетелись по всей стране. С бабой Наташей виделись всё реже, он уже только раз-два в неделю забегал к ней, чтобы поесть и сделать уроки. Вёл с бабушкой умные разговоры:

– Ба, скажи, почему ночью на болоте горят голубые огоньки?

– Души умерших маются, ждут страшного суда... От томления и ожидания сгорает немало людей. Так и души их продолжают томиться.

– Не, ба, это горит газ сероводород, невидимый днём и светящийся ночью.

– Может, и так... Только без Его воли ни один волос не упадёт с голов наших. Спаси, сохрани и помилуй нас, Господи.

А когда Лёшка поступил в институт, то бывал у бабы Наташи только по праздникам, чтобы перехватить денег на увеселительные мероприятия.

В армию Алексея призвали после окончания второго кур-

са института. Он вырвался домой всего один раз, на неделю. Спросил о бабе Наташе, и мама ответила что-то невразумительное, типа: тронулась немного умом золовка, всё имущество своё и деньги раздала церкви и нищим, поселилась возле тюрьмы, где погиб Алексей... Где, как устроилась, чем занимается родственница, мать ничего не могла сказать. И вот накануне демобилизации Алексею пришло письмо о кончине «сестры Натальи». Похоронена она, сообщала бывшая когда-то игуменья, на сельском кладбище, как и просила, рядом с могилкой её сына, Алексея Андриановича Костомарова. Была ещё и приписка, вроде как от простого человека, не от монахини: «...любила она вас, Алексей, как второго сына».

Документы в штабе воинской части оформили быстро, от городского вокзала до тюрьмы – монастыря Алексей ехал на автобусе. Не мог солдат заснуть в поезде, ночь проворочался на верхней полке, думая о бабе Наташе, вспоминал детство, счастливые минуты, которые дарила ему родственница. А в автобусе не выдержал напряжения, сморила дорога, провалился в черноту без сновидений. Разбудила его кондуктор, подсевшая на свободное рядом сиденье, посоветовала найти дом тётки Степаниды: она хорошо встречает верующих. Не выдержала женщина, спросила напоследок:

– Не наш ты, не поселковый... Приболел что ли, солдатик? Для водки-то вроде бы рановато... Никак туберкулёз прицепился. Помолись, только усердно, попроси заступницу

нашу, Божью Матерь, о здоровье своём. Когда-то здесь в монастыре её иконка была – Чудотворная... Да и о нас замолви словечко, вы, солдатики-то, чистые, как младенцы. Царица Небесная любит вас.

Высоченные стены тюрьмы – монастыря со следами смывтой дождями белой извёстки поражали воображение простых смертных. На шпиле главной из четырёх церквей вращалась на ветру позолоченная фигурка ангела. Алексей свернул на улицу, ведущую к домам, где окна с наличниками причудливо расписаны самыми яркими красками. Дом Степаниды указали сразу, он стоял третьим по правой стороне улицы.

– Чей будешь? – спросила солдата высока костистая пожилая женщина. – Вижу, приезжий, не наш. Чё привело сюда: горе али радость... В тюрьму пойдёшь на свиданку али помолиться надо Чудотворной иконе Божьей Матери? – женщина трижды перекрестилась, бормоча что-то себе под нос. – В лесу махонькая часовенка стоит, там освящённая копия иконы... Там обычно на неё и молятся.

Она пошире открыла входную дверь, пропустила Алексея в дом, сказала, усаживая к столу:

– Надолго али только заночуешь? Щас я тебя покормлю, денег с солдатика не возьму, но в сельмаг пошлю: хлеб к вечеру привезут свежий да масла надо накачать подсолнечно-го, обещали новую бочку зарядить. Это уж на свои покупай денежки: пенсия у меня никакая, одним огородом живу да

иногда поселяю приехавших на свидание в колонию али помолиться...

– Наталью Ивановну Костомарову не помните? Мне написали, что похоронили её на вашем кладбище... Племянник я её, после смерти родного сына она воспитывала меня.

– Сестру Наталью-то... Ну, кто ж её не знает! Монастыря-то давно нет, а они как будто сЕстры, все обряды и традиции соблюдали. Манефа у них вроде бы как игуменией числилась, ещё с царских времён монахиней была. Вот недавно, как и Наталья, преставилась, почти сто лет ей было, – Степанида ставила на стол хлеб, тяжеленную чугунную сковороду с жареной картошкой, от которой исходил парной луковый дух. В литровую кружку налила топлёного молока с мелкими коричневыми пеночками. А сама, не умолкая ни на минуту, рассказывала. – Они в часовне молились, народ к ним на службу стал валом валить... Вкусно аль нет, соколик ты мой? Ешь на здоровье, поправляйся после дороги-то. Пораньше ляжешь сегодня, утречком-то на могилку сходишь. Только осторожнее будь... Последний-то год ими, чай, КГБ интересовалось: кто да откуда? Почему народу столько валит на их молитвы? Кто часовню разрешил срубить? Серьёзно принялись за них... А никто не разрешал! Мужики пришли затемно утром, а к закату солнца последний гвоздь вбили.

– Степанида... А как вас по батюшке-то величать? – любопытствовал Алексей. – а то как-то неудобно получается...

– А все так зовут: и детишки, и взрослые: баба Степанида и всё тут...

– Ну, хорошо, баба Степанида. Что ж запрещённого-то сделал моя баба Наташа, что ею комитет заинтересовался?

– Ты не понимаешь что ли, солдатик! Сестры почти каждый день собирали на молитвы десятки людей, да в лесу, да как на маёвках революционных когда-то... Вот власть-то и задумалась: за что боролись, на то и напоролись! Брось спичку, костёр вспыхнет, как хорошо-то да сытно мы живём, а, соображаешь?

Не стал продолжать разговор Алексей: на дворе конец шестидесятых годов, он – недоучившийся студент истфака института, старший сержант Советской Армии, комсомолец. И попадёт в поле зрения КГБ... Из-за каких-то сумасбродных старух из царских времён. «Игуменья с монахинями несуществующих монастырей... Что за бред!» – думал Костомаров, направляясь в сельмаг. Купил четыре буханки чёрного да два батона белого хлеба, тяжёлого, будто раздавленного катком после выпечки. Масла подсолнечного, действительно, из новой тары, накачали ему в трёхлитровый алюминиевый бидон. Пришлось даже в очереди постоять: столько народу собралось под новую бочку.

С хлебом в авоське и бидоном в руках он быстро дошагал до Степанидиного дома. Попросил постелить ему на печке и, сославшись на усталость, с последними лучами уходящего за горизонт солнца улёгся за ситцевую занавеску. Хозяйка

помалкивала, в разговоры больше не вступала, вскипятила на сосновых шишках самовар и села к столу пить чай. Алексей точно вспомнил этот смоляной запах сосны, который излучали шишки: так пахло по воскресеньям в комнате бабы Наташи, когда она кипятила небольшой тульский самовар. А к чаю были пряники, шоколадные или клюквенные, кофейные подушечки или леденцовые петушки.

Проснулся Алексей рано, в прихожей, где стояла печь, никого не было, но заслонка на тяге отодвинута, в топке гудел огонь. Вышел во двор: баба Степанида из большого блюда кормила кур, взглянула на солдата, кивнула и снова заголосила: «Цып-цып-цып...» Умытого – побритого, пахнувшего одеколоном «Шипр», с рюкзаком на плече Алексея бабка Степанида силой усадила за стол. Из печки вынула ту же чугунную сковороду с десятком шипящих на сале разбитых яиц, поставила всё хозяйство на середину стола.

– Режь сам яйцо, лож в тарелку, ешь до отвала. Молоко щас принесу, в сенях похолоднее было... Я поняла, что ты уже к отъезду готов? Чё сказать: всё правильно, с ними не забалуешь, а жизнь подпортят враз. Но автобус пойдёт только через полтора часа, до кладбища полкилометра... Я на месте бабы Натальи кровно обиделась бы на тебя, если бы ты не зашёл на могилку.

Степанида проводила Алексея до калитки, перекрестила, вынула из кармана маленький образок и, держа его на землистого цвета ладони, сказала:

– Это сестры моей и твоей бабушки Натальи образок... Она просила передать, если когда-то вдруг увижу кого-то из её родных. Приглядишься, какая там необычная Божья Мать... Этой иконе цены нет. Ну, беги, солдат, храни тебя Господь! Твоей вины здесь нет...

На подходе к кладбищу, заросшему липами и кустами бузины, расцвеченными большими красными гроздьями ягод, вдруг заморосил частый почти «слепой» дождь. Его баба Наташа называла «грибным», но осенью он никогда не проливался, только в конце лета, когда начинался сбор подберёзовиков и маслят. Алексей остановился, повернулся к посёлочку, увидел, что в открытой калитке дома стоит баба Степанида...

Если где-то убудет...

Белые одежды, разноцветные головные накладки, тёмно-коричневые лица, гортанные звуки, перебиваемые барабанной дробью и завыванием труб... Эту картину Влад увидел в открытые окна машины торгового представительства, которая встретила его, маму и отца в аэропорту и сразу повезла на строительную площадку ТЭЦ (теплоэлектростанция). Эфиопия строила социализм, советские люди помогали ей в борьбе за свободу и независимость. Отец одиннадцатилетнего Влада Жукова – Иван Аристархович – стал техническим директором строящейся станции.

Приставленный к отцу переводчик, преподаватель вуза, а заодно и сотрудник абвгдейки, едва успевал переводить куплеты здравниц в честь нового руководителя и его семьи. Иван Аристархович краснел, явно смущался неприкрытой лести аборигенов. А Роза Львовна, жена, в девичестве Крашенинникова, дипломированный чертёжник самого секретного КБ авиастроения, оставалась в радостно-приподнятом настроении:

– Всё верно поют, – шептала, – и Ваня хороший специалист, и семья у нас замечательная...

– Да, это обычай такой, своеобразное проявление гостеприимства, – успел сказать переводчик, прежде, чем всех повели за банкетный стол.

Фраза явно не понравилась Розе Львовне, но она промолчала: первый раз за границей, мало ли что, надо присмотреться, проследить, чтобы Ваня не перебрал с выпивкой. Городок строителей и монтажников – наладчиков ТЭЦ – разместился ближе к морю, огорожен от мира двухслойной рабицей, свежевыкрашенные двух- и одноэтажные дома ласкают взор. Красный с серыми вкраплениями суглинок, напоминающий черепицу, найденную на археологических раскопках, тянется до самого берега океана, довольно пустынного и унылого, без деревьев и кустарников. Белый, слепящий глаза песок из раковин умерших за миллионы лет моллюсков, переходит в зеркальную гладь залива, отражающего необъятно – высокое голубое небо. Белое и голубое, два цвета на десятки километров, до самого горизонта, где в мареде зноя дрожат и качаются три гигантские трубы станции. Строительство корпусов, опреснительной установки, водозаборных и сбрасывающих каналов, всего мощного хозяйства, фактически, уже закончено. За Иваном Аристарховичем – доводка турбин, пуск и вывод ТЭЦ на проектную мощность.

Пока взрослые произносили тосты, блаженствуя под тенью белого парусинового тента, Влад успел познакомиться с несколькими пацанами, все вместе решили сходить к школе. Она выглядела смешно: первый этаж стоял без стен, на бетонных четырёхугольных сваях покоился пол – потолок второго этажа, несколько классов внизу обозначены парта-

ми, легкими табуретками и переворачивающимися досками. Друг от друга классы отделялись белой гофрированной, лёгкой и жаростойкой тканью.

Обошли оба этажа необычной школы, в тени бетонной пристройки, где разместились учительская и кабинет директора, ещё раз перезнакомились. Верховодили, конечно, дети строителей, по праву старожилов и, наверное, потому что обладали кожей цвета настоящего шоколада. Сын старшего прораба – Севка – не поленился снял шорты и майку, Влад увидел ровный загар на всех запрещённых местах, словно мальчишка – эфиоп.

– Купаемся безо всего... Да и вообще, девок у нас мало-вато, по две- три штуки на класс. – С лентой и по-взрослому протянул пятиклассник. И без перехода: – Айда купаться, переоденься и догоняй нас!

Банкет закончился, разместили директора в отдельном бунгало, почему-то, деревянном, двухэтажном, с двумя мощными кондиционерами и с подачей воздуха на оба этажа одновременно. От некрашенных полов пахло цветущей липой, хотя по углам террасы стояли в кадках трёхметровые пальмы, ничем не пахнущие, восковые и холодные. Роза Львовна обмерла, увидев двадцатиметровую кухню со встроенной плитой и мебелью, посудомоечной машиной, двухдверным холодильником и отдельной вытяжкой – кондиционером. Она уже знала, что вместе с мужчинами на завтрак и обед в поселковую столовую приходят семьи, но ей такие

законы явно не нравились. Тем более, столовая по вечерам превращалась в кафе...

«Семья – дело святое, Богом данное, ничто не должно её разрушать, подвергать соблазнам и развращению, – думала лучшая специалистка авиаКБ, награждённая Почётной грамотой, подписанной в 53 году самим умирающим вождём всех народов. – Папа – коммунист, я – была комсомолкой, но мы всегда верили в Создателя... А он прощал наш грех, понимая, что сам допустил второго создателя на земле. И нам было невозможно с ним справиться...»

– Ма, ребята зовут купаться! – ворвался в дом Влад, явно переигрывая на напористости и голосовых модуляциях.

Роза Львовна подняла голубые глаза, как-то несочетающиеся с её смоляными волосами, уложенными в форме плоской корзиночки, погладила голову сына, поцеловала макушку, сказала:

– Владислав, мальчик мой, хорошо, что ты дома, но я тебя потеряла на целый час... И неважно, что шёл банкет... Мама у тебя одна, всегда помнит о тебе, всегда любит, волнуется, и она должна знать, где её мальчик?

– Ма, мы в школу ходили с пацанами, папе я сказал... А сейчас нас зовут купаться, здесь недалеко... Давай заберём папу и айда!

– Боже мой, какая речь... Но это – не главное. Папа прилёг отдохнуть, пусть поспит... А, знаешь, я, пожалуй, с тобой схожу, так хочется освежиться. И что такое океан, инте-

ресно, как всё это выглядит?

Влад замер: только этого не хватало, чтоб пацаны увидели, с кем он пришёл купаться. «Маменькиным сыночком обзовут! – подумал он, – но ведь и они должны понимать: первый раз, всем хочется на море... Почему маме не искупаться с нами вместе?» Он успокоился, стал искать плавки, помня, что там, на пляже, пацаны купаются без трусов.

Прошли сторожевой домик, наклонились под шлагбаумом, направились к воде. Пацаны дурачились метрах в пятидесяти, конечно, все голые: несколько человек походили на белый песок – приезжие сегодня, новички. Мама не приглядывалась к купающимся, расстелила пляжный коврик, воткнула в песок складной зонтик, который папа купил, по случаю, в «Берёзке», сказала:

– У берега, сынок, покупайся, пока не придёт папа, не стоит рисковать на незнакомом месте... Я плаваю, как колун, ты знаешь.

...Такой жуткой боли Влад не испытывал давно, с того дня, когда на стройке проткнул подошву резиновых сапог гвоздём, торчащим из доски. Правая нога, от большого пальца до лодыжки, онемела за несколько минут. Он, тихо постанывая, добрёл по воде до кромки берега, уселся на песок, осмотрел стопу: на верхней её части торчали три – четыре чёрных иголки, сломанные у самой кожи. Поднялся, побрёл, наступая на пятку, к маме, благо, она лежала недалеко. Увидев сына, Роза Львовна побледнела, вскочила, будто

на соревнованиях ГТО, за секунды достигла мальчика:

– Что случилось? Что с тобой стряслось?!

– Какие-то иголки воткнулись в ногу, чёрные, просто мерзкие... И больно...

Мама пыталась вытащить кончики иголок ногтями, подцепить их зубами и шпилькой, но кроме причиняемой боли ничем не могла помочь сыну. Она закричала в сторону купающихся пацанов, те тут же, надев шорты, примчались к Владу. Севка, посмотрев ногу, как отрезал:

– Иголки ежа сломались, ядовитые... Надо в медпункт, срочно...

Старшие ребята сложили руки крестом, посадили на них Влада и затрусили в сторону посёлка. Роза Львовна, бросив свой скарб на песке, мчалась за ними, придерживая спину и голову сына. Делали несколько остановок: Влад оказался упитанным пацаном. У сторожевого домика ситуацию тут же оценил высокий охранник, одетый в белую майку с красным флагом и большими буквами СССР, посадил мальчика себе на спину и помчался к школе, где рядом и располагался медпункт со стационаром на несколько коек.

Ногу резал молодой хирург, всё получилось нормально, но делали несколько болезненных уколов. Видимо, скорость доставки больного сыграла большую роль: через два дня мама забрала сына домой. Опухоль спадала медленно, Влад лежал на террасе, на специальной высокой раскладушке недалеко от воздушного потока кондиционера, к нему после шко-

лы каждый день заходили по десятку ребят. Роза Львовна пекла печенье, варила компоты, десятками литров, выгребла все запасы сушёных ягод, привезённых с родины. Она терпеть не могла шипучие жидкости в банках и бутылочках, да и денег лишних на их покупку пока не накопили...

Мама сшила сыну тапочки из сверхпрочного технического брезента, отцу (для Влада) передал небольшие ласты своего сына уезжающий домой строитель. А потом Влад стал настоящим морским волком, облазил все рифы возле залива, мечтал понырять на хорошей глубине самого океана. Стена на террасе первого этажа бунгало была завешана кусками цветных кораллов, чучелами высушенных обитателей морских глубин. Но о колючих ежах, особенно опасных в этом районе, у мальчика на всю жизнь осталась память. Роза Львовна сказала по поводу этого случая:

– Сынок, помни поговорку: если где-то убудет, то где-то обязательно прибавится... Ты пострадал, чуть не остался без ступни (мама, конечно, преувеличила, таких случаев просто никто не знает, а мама есть мама), но и приобрёл, пусть горький, но опыт. На всю оставшуюся жизнь...

Влада после вуза, со свободным английским языком, отец устроил в экспортно-импортную компанию, входившую в структуру главка, которым командовал его друг по за-

гранкомандировкам. В Индии, где Жуков – младший очутился после просиживания штанов в конторе и составления каких-то бумажек, его приняли, как истинного представителя экспорта. Ничего не попишешь: контракт перевалил за пик строительства ТЭЦ, хочешь не хочешь, надо ублажать и строителей, и монтажников, и наладчиков. А с русским «авось» индусы уже сталкивались не раз...

Индийскому директору Владислав определённо нравился: он ничего не обещал, вечерами закрывался в представительстве стройки, подолгу разговаривал с Москвой. Звонил не на работу, домой. Через некоторое время из холодной России выходили на связь поставщики, утрясали сроки поставок узлов и агрегатов будущей станции...

...С утра океан хулиганил: ветер также, как и все последние дни, сух и горяч, но будто захотел остудиться в солёных водах, поднимал и гнал к берегу метровые волны. Влад в шортах, кроссовках, с пакетом в руках, где лежали маска, трубка, ласты и полотенце, направлялся к дикому пляжу. Поворот, валун, за которым можно укрыться от ветра, однобокая пальма, наклоненная кроной к берегу и будто бегущая от океана прочь... Опа, а местечко-то занято: на длинном узком коврике читала книгу какая-то незнакомая дама, Влад ни разу не видел её ни в посёлке, ни в конторе стройки. «Наверное, чья-нибудь жена», – подумал, но уходить уже поздно, он поздоровался, спросил:

– Не помешаю, если размещусь на своём любимом месте?

Я поплаваю часок и тут же убегу на работу...

– Не помешаете, располагайтесь... Мне тоже через час надо появиться в конторе, – сказала «захватчица» пляжа, сняв диоптрические тёмные очки. Девушка улыбалась белозубой улыбкой, на вид ей было, явно, до двадцати пяти лет. – А я вас знаю... Владислав Иванович, из столицы, брошены на прорыв узких мест... Я писала резюме на вас для начальства... Обслуживаю индийский совет директоров как переводчик – синхронист.

– Куда ни кинь...

– Попадёшь в своего...

– Действительно, это только мы до работы успеваем и на пляж сходить, и в песках побегать... А вас как зовут?

– Софья, Иванова София Юрьевна...

– Никогда не слышал о вас...

– Так, я же с индусами работаю... А у вас, как мне сказали, свой английский шикарный, вам не нужен переводчик...

– Извиняюсь, побегу, иначе не успею поплавать...

Девушка промолчала, надела очки, снова уткнулась в книгу. Когда через час Влад выползал из-под крутых волн, у камня никого не было. «Ушла, обиделась, что ли? – размышлял он, растирая полотенцем немножко озябшее тело. – Не судьба, значит, продолжать знакомство...» Но дня через два он снова увидел Софию у камня, та делала индийскую гимнастику, волей-неволей показывая свои длинные стройные ноги, небольшие груди, которые при наклонах вставали упру-

гими бугорками. «Видимо, и ей понравилось это укромное местечко, – подумал Влад, – хорошая фигурка, развитая де-вушка, зря время не теряет за границей...»

Поздоровались дружелюбно, но разговор не клеился: де-вушка ожидала, наверное, что он снова в маске и лапах бро-сится в волны, оборвав знакомство, как и в первый раз.

– Простите меня, Софья, за прошлую нашу встречу... Но я, действительно, спешил на переговоры.

– Да, я в курсе, переводила протокол вашей встречи для индусов...

– А мне стало известно, почему вас отпустили за кордон без супруга, – Влад улыбался, взвешивая, продолжать опас-ную тему разговора или нет.

– Я на стажировке, какой с меня спрос... – сказала девуш-ка, смеясь и показывая, что её ничуть не смущают слова со-беседника, – а на стажировке можно находиться наездами и годами.

– Не скажите, мне вот пришлось с дальней родственницей из провинции заключить брачный союз для выезда... А она возьми да и забеременей на втором месяце нашей «супру-жеской» жизни за границей... Теперь вот у моих родителей растёт законнорожденный сын, Лев Владиславович Жуков. В честь прадеда его назвали.

– Да, дела... А, может, и хорошо, стерпится-слюбится, де-ти, говорят, сглаживают любые углы.

– Вам проще, дорогая Софья, у вас родственник в первой

десятке правительства числится. Он разрешит любые проблемы...

– Я вас умоляю! Отец даже не назовёт, какой вуз я выбрала и закончила... Видела его рано утром, как говорят, и поздно-поздно вечером. Да, авторитет у него большой, но и вам грех жаловаться на судьбу: вашего папу, Ивана Аристарховича, «тепловики» помнят во всех странах третьего мира, постоянно слышу здесь его фамилию...

Договорённость о встрече вечером родилась сама по себе, без напряжения и предварительных условий: им, действительно, захотелось встретиться в баре при отеле, где у русского представительства бронировалась пара классных номеров. Вечернее платье на Софии казалось очаровательным, тёмно – бордового цвета, туфли, замшевые, на высоченном каблуке. Она сохранила верность русской традиции вечернего застолья, что нельзя было сказать о партнёре: ситуацию не спасали дорожные джинсы и белая шёлковая рубашка, в которые облачился Влад. Увидев входящую в бар девушку, он смутился, пробормотал, целуя её руку:

– Извиняюсь, совсем забыл о вечернем наряде... Хотя даже бабочка от Альфаеда имеется.

– Не берите в голову, неудобство чувствуешь до второго бокала и третьего госта... – София улыбалась всё той же очаровательной улыбкой, что и на берегу океана. – «Шампанское» будет? Мне надо с водителем условиться...

– Я вас довезу, у меня машина с шофёром, – предупреди-

тельно сказал Влад.

...Они проснулись почти одновременно в постели люксового номера отеля. София встала чуточку раньше, успела заметить аккуратно сложенные на прикроватном столике джинсы и рубашку ночного партнёра, правда, его синие трусы валялись на белом пушистом ковре. «Ну, хоть здесь он отошёл от правил и установок, выработанных, видимо, годами в семье... – улыbnулась своим наблюдениям девушка. – Что будем делать, сеньор? Разбежимся до следующей потребности?» – размышляла София, стоя под тёплыми струями воды в душевой кабине. В спальню вернулась осторожно, не желая разбудить мужчину, а, может, чуточку и боясь его реакции на всё произошедшее здесь.

– Иди ко мне, – сказал Влад, – ты – великолепна... – Он поднялся на подушках повыше и протянул к девушке руки, сильные, загорелые. Его не смущала обстановка, он привык к женскому телу, откинул лёгкое покрывало. София со смехом буквально нырнула под бок мужчины. Им было настолько хорошо, что они долго не могли отреагировать на телефонный звонок. Наконец, Влад прошёл к столику, слушал кого-то в трубке, сказал:

– Приезжай через час, жди на задней стоянке... В приёмную я позвоню, пока. – И уже обращаясь к Софии: – Меня ищут... Придётся извиняться, переносить одну встречу... Я заберу тебя с собой, довезу до нашей гостиницы... Водитель передаст твоему, чтобы приезжал прямо туда. ...Я ка-

жется, влюбился в тебя, как мальчишка... Не хочу расставаться с тобой ни на час... Не могу насытиться тобой. Уже скучаю, думаю о вечере, о встрече...

В начале осени, по возвращении Софии из Индии, отец подарил ей новую однокомнатную квартиру в только что отстроенном доме повышенной комфортности. Она выбрала современную мебель, часть дорогих для неё вещей забрала из дома. Вот в такой эклектике и стала проживать отдельно от родителей. Скучала по Владу, призналась себе, что мужчина сильно и стойко увлёл её, даже подумала: вот это, наверное, и есть любовь.

А Влад считал недели до конца командировки, потом дни, в самом конце октября, когда на серо-чёрные ветки клёнов и тополей во дворе дома Софии лёг первый снежок, он буквально ворвался в воскресное утро любимой женщины. Она ждала его накануне, в субботу, но рейс загулял на просторах Индии, опоздал почти на сутки. Родители и друзья не видели их два дня. Хотя мама Софии знала уже и о приезде воздыхателя, и о чувствах дочери... Мать переговорила с мужем, тот лишь спросил, кто избранник и где работает.

По дороге на работу Влад позвонил маме: Роза Львовна заплакала, сказала, что не заслуживает такого отношения со стороны родного сына.

– Ты забыл или, может, не хочешь помнить, что у тебя тоже есть сын... Не дай Бог, чтобы Лёвушка также относился к твоей старости, как ты стал относиться к нам с папой...

Первое, о чём подумал Влад, касалось Софии и мамы: это будет смертельная схватка... И вряд ли моя любимая сможет выиграть... «Буду помогать, но мама есть мама, и я не всемогущ», – сказал себе воспитанный Розой Львовной послушный сын.

После доклада об итогах командировки, в целом, положительной оценки его стараний, Влада оставил в кабинете гендир компании – Марк Осипович Чижиков, сказал без подготовки:

– Ты знаешь, кто мне звонил?! Сам Иванов... Ни замминистру, ни начальнику главка, а лично мне звонил... Думаешь, он не знает, кто мы и чем занимаемся? Пошлые посредники, слизываем крохи на посредничестве у заводов. Сказал, что включил меня в состав правительственной делегации в Центральную Америку, надо разработать пакет документов о поставках им энергетического оборудования... Милый мой, Владик, это перспектива на сотни миллионов долларов, это восстановление доброго имени...

Влад хорошо знал Марка Осиповича, бывавшего в их доме не меньше трёх-четырёх раз в году. Друг отца, работник ЦК, комплектовавший загранкадры, не смог перенести ветры перемен, перестройку. Благо, фирмы и фирмочки по экспорту – импорту – то бишь, посредничеству – росли, как по-

ганки после дождя. Не зря же Эстония вышла на первое место в Европе по экспорту цветных металлов, имея на своей территории лишь месторождение сланцевого угля.

В конце монолога Марк Осипович спросил Влада в лоб:

– Что за дела у тебя с дочкой Иванова? Он интересовался вскользь, о тебе спросил... Я дал самую лестную характеристику. Но смотри, сынок, не дай тебе Бог, запудрить мозги, сподличать... Он не только тебя, но и меня, и начглавка превратит в пыль! Нас ни одна контора «Вторсырьё» не примет в свои пенаты...

– Так у меня сын растёт с моей мамой, а жена проживает на выселках...

– Я приеду сегодня-завтра, сам встречусь с Розой Львовной и Иваном Аристарховичем... Надо разруливать эту ситуацию, сынок. Мы ещё сможем подставить грудь под кресты...

– Или голову – в кусты, – закончил Влад, переврав пословицу, – Софья молчит, о женитьбе, семье – слово не вытащишь... Похоже, ей не больно это и надо. И я поэтому помалкиваю.

...Совет прошёл на следующий день, с пельменями, ухой из стерляди, с литровкой первоклассной скандинавской водки. Решили так: Роза Львовна едет в провинцию, обговаривает ситуацию с родственницей, за полную свободу Влада ей выделяется аж, десять тысяч у.е. (сумасшедшие деньги по тем временам). Сынок остаётся у бабушки, пока новая

мама не захочет с ним познакомиться (если захочет вообще). Влад ведёт Софию к своим родителям, пытаются обговорить ситуацию с женитьбой, гарантировав, что до совершеннолетия – никаких «львов»(!), она вообще может не беспокоиться на этот счёт: Роза Львовна поднимет и этого сына.

Когда Влад полностью очистил биографию, София приняла его в своей квартире. В гражданском браке они жили ещё почти два года. Из руководителя группы Влад вырос до замгендиратора компании, в Подмосковье энергетики выделили ему двадцать соток, построили коттедж, настоящую крепость с потолками на кухне и в прихожей под пять метров. Квартиру родители продали, купили у метро «Аэропорт» однокомнатную в кирпичном доме. А потом помогли Владу в престижной парковой зоне приобрести трёхкомнатную квартиру. И уж только тогда Влад встретился с отцом Софии, который благословил их на скромную свадьбу (как дань традиции, потому что дочь – категорически против шумного застолья). Зал «Жостовские подносы» для банкета им выделил «Президент-отель», сугубо закрытое заведение. За свадебным столом собралось всего человек двадцать. Отец подарил дочери новую машину.

Льва – младшего на торжество не позвали, так стала считать Роза Львовна, что на их отношения с Софией наложило ещё более глубокие раны.

Жили в парковой зоне в новой квартире вдвоём. Влад пропадал на работе, София вернулась к преподаванию двух иностранных языков в престижном вузе. Под напором мамы, Влад спросил жену о планах на детей. Та ответила:

– Ты видишь, я не предохранялась... Но сейчас вынуждена это делать: выскочила командировка – стажировка в Вену, учёный совет решил меня переучить на эколога от МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии). Не исключено, что могут предложить работу в составе нашего представительства... Не переводчиком, специалистом, улавливаешь?

– А как же я, доморощенный самоучка? – почти застонал Влад. – Я умру без тебя, недели не продержусь...

– Умрёшь, когда я позволю... Сейчас пол-Европы и пол-Америки так живут... Будем видеться на выходных, в отпусках, в командировках... Любовь закалится, станет сильнее.

...Через полгода её стажировки за границей Влад как-то поздно вечером позвонил и понял, что София не в Вене. Взволнована, много посторонних голосов в телефоне, говорит: гуляем на набережной озера, идём к ресторану. Поняла, что сказала не то, после некоторого молчания продолжила:

– На пару-тройку дней выскочила в Швейцарию, улаживаю проблемы с публикацией книги... Мой соавтор отсюда, у него лучше получится и с изданием, и с тиражом..

– Кто таков? – по-клоунски начал дурачиться Влад.

– Ты его не знаешь. Мы познакомились на конференции «Гринпис» ещё в прошлом году... Профессор университета, авторитет в области атомной энергии. Я готовила ему российскую часть доклада, пока ничего особенного, компиляция... Но получилось оригинально, он решил взять меня в соавторы.

– И вот ты уже вместо того, чтобы лететь домой, удаляешься в сторону Швейцарии...

– Это работа и карьера, Влад... Надо использовать возможность реализоваться. Не ревнуешь ли ты, дорогой?

– Ревную, так сильно, что готов...

– Не делай этого... Я скажу тебе об этом раньше даже, чем сама себе осмелюсь сказать... Сейчас надо закончить книгу, пройти конкурс в университет и стать профессором... Вот такие планы, мой хороший.

– А я где?

– Мы скоро поговорим обо всём, меня захотел увидеть отец... Он делает такие шаги крайне редко. А сейчас: спки-спки, чмоки-чмоки, пока-пока.

...Влад, ошарашенный, почти раздавленный новостями, сидит на кожаном диване в квартире, в руках – стакан виски. Вместо телевизора на стенке вдруг разворачивается школьная географическая карта: вот закончилась Белоруссия с Брестской крепостью, куда он ездил с папой и мамой на 9 мая, граница открывает дорогу в Европу, явно уже не социалистическую... «Да и нам – дальше, нам надо в Вену, нет,

уже в Швейцарию надо топать... – думает Влад, отыскивая на карте нейтральное государство. – Озеро с мощным фонтаном, старички и старушки кормят белых и чёрных лебедей... Здравствуйте, – говорит Влад интеллигентного вида мужчине, в очках, лет под шестьдесят, – вы не знаете Софью Юрьевну Иванову, из России, она специализируется на экологии, собирается у вас издать книгу?» «Знаю, – говорит мужчина и улыбается, дружески, будто встретил старого знакомого, – Мы не только издадим книгу, мы поженимся... Она так захотела... А что, я ещё хоть куда... Будем с Софьей в одном университете работать... Сделаю из неё не только спеца, она будет общественным трибуном, возглавит движение против строительства атомных станций...

– Дурак, ты батя, опять к ТЭЦ вернёшься? Мы это с отцом уже проходили, много лет назад. А Софью не тронь, жена она мне... Иначе убью.

Школьная карта исчезла после щелчка тумблера в телевизоре, включилась программа с трансляцией матча по футболу. Влад сидел в оцепенении от ранее увиденной картины, не замечая разминающихся на зелёном поле игроков, не слыша голоса диктора, не притрагиваясь к виски. Он понял, воочию убедился, что его ждёт в недалёком будущем.

...Роза Львовна смотрела на сына в дверях квартиры, поняла: случилось непоправимое. Она стояла в кухонном фартуке, пропахнувшая специями: в духовке запекалась кура. Иван Аристархович простудился вторично, температу-

рил в постели, Льва через пару часов надо было забирать из спецшколы с углублённым изучением математики. Молчала.

– Заехал по дороге на одну встречу, проведать, как вы, что с папой, как Лёвушка? Как ты себя чувствуешь, мама?

Роза Львовна дала сыну обнять отца, переброситься с ним парой фраз и увела на кухню. Заварила чай, бросив в фарфоровый чайник ещё и сухих листьев смородины, поставила вазочки с тремя видами домашнего варенья, своё печенье. Сын молчал, совершенно не замечал матери.

– Владислав, что случилось, ты потерял, раздавлен... У вас с Софьей что-то произошло?

Сын обхватил голову руками, долго сидел, уставившись в чашку с чаем. Наконец, сказал:

– Думаю, всё кончилось у нас, мама... За полгода она была дома один раз, два дня, хотя выходных с праздниками набралось около трёх недель... Сейчас она в Швейцарии, с новым другом, издаёт совместную книгу... Может, я паникую, но я чувствую: рубикон перейдён... Сегодня – завтра она объявит, что у неё есть другой...

– Ещё не вечер, сынок! Не раскисай, ты – мужчина, учись у папы: у нас тоже дело доходило до развода... Вмешался мой папа...

– Мама, о чём ты?! Она не захочет даже видеть вас, она не вернётся в нашу квартиру... У неё своя жизнь, своя работа, свой круг друзей и по линии отца, и в институте. А теперь

вот и за границей...

– Ничего, выстоим, сынок! Мы с папой переберёмся к тебе, правда, Лёвушку далеко везти в школу, но это решаемые проблемы... Заживём все вместе, всё утрясётся... Твой сын её не касается, это только твой сын и наш с папой. На твою жилплощадь она не имеет права претендовать: квартира приобретена до её замужества, также, как и загородный дом. Фамилию она сохранила свою... Что ж, тем проще будет расторгнуть ваш брак!

– Эх, мама-мама, как у тебя всё просто... Ведь я без неё не смогу жить. Я люблю её...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.